

Борис ПОДОПРИГОРА
г. Санкт-Петербург

ЧТО ТАКОЕ АМЕРИКАНСКАЯ АРМИЯ?

Развитие военно-политической обстановки располагает к предметному разговору на тему, вынесенную в заголовок. Заглянем в американскую казарму, посмотрим на неё изнутри. Со вниманием к деталям, в которых вся соль. В жанре «живого» рассказа. Такую возможность предоставил двухлетний опыт службы российского представителя в американском штабе в Боснии...

ЧЕМ НАБОР ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПРИЗЫВА?

Набор в вооруженные силы (ВС) США осуществляется через сеть recruiting stations — «призывных пунктов» (ПП), функционирующих из расчета: один на 70-100 тысяч городского населения и 15-20 тысяч сельского. ПП замыкаются на местную власть, но состоят в договорных отношениях с минобороны. Персонал ПП стимулируется призовыми баллами, начисляемыми по весьма сложной схеме. Она ориентирована на преимущественный набор наиболее подготовленных рекрутов, готовых служить в не самых престижных частях. К ним относятся прежде всего сухопутные войска (СВ). Ибо в пехоте меньше условий для приобретения навыков, полезных на гражданке. Поэтому за согласившегося служить на флоте или в авиации на-

числяется условно 1 балл, за пехотинца — 3. За «образованного» (с «ПТУ») сухопутчика добавляется еще 1 балл... Освидетельствование рекрута, достигшего 17 лет, осуществляется через тесты, соответствующие требованиям к выпускнику средней школы: число отжиманий за минуту, задачки про бассейн с двумя трубами и автотрейлеры (не поезды!), отправившиеся из пункта «а» в пункт «б», чайнворд — «танК»-«Кухня...Север», диктант из местной газеты и «чем отличаются Ирак от Ирана или Персия от Пруссии?» По последнему — нужно угадать не менее 4 из 10 правильных ответов, ибо с кругозором — скажем прямо — беда.

Начальную оценку качества призыва даёт Служба по подписанию контрактов (СПК) — первое воинское учреждение, куда попадает отобранный новобранец. СПК схож с нашим военкоматом, но через свои гарнизонные представительства «сопровождает» «джи-ай» (военнослужащего) в течение всего периода его действительной службы и в резерве.

С СПК, минуя ПП, заключают контракты те, кто хочет и может стать офицерами резерва, а также унтер-офицерами и специалистами: прибавка к гражданскому доходу — в среднем 6-8 тысяч долларов в год. В резерв зачисляются лица в возрасте 22-55 лет, как правило, с высшим образованием и

после 90-суточных сборов. Действительная служба резервистов (сборы, участие в учениях и «живых» операциях) — 30 суток, минимальная — 7 суток в год.

СПК через более военно-ориентированные тесты повторно проверяет профпригодность и предлагает подписать первичный контракт на 2 или 3 года. По результатам тестов новобранца опять склоняют к непрестижной службе, ибо кандидаты для престижной приходят чаще. Типичный новобранец — это вчерашний школьник (более 60%), реже выпускник «ПТУ» или аналога наших кадетских корпусов. Но эти военизированные дублиры технических лицеев готовят скорее будущих курсантов, чем солдат-контрактников. Ибо находятся в ведении учебных командований видов вооруженных сил. Как и у нас — Суворовские училища. Правда, более половины сержантов — это бывшие кадеты-«суворовцы», не поступившие в «офицерские» вузы, но сделавшие выбор в пользу службы.

Отсев в ходе тестирования в СПК считается браком ПП и снижает баллы, по которым вербовщикам определяют тарифный разряд. Так поддерживается многосторонний баланс интересов между новобранцами и вооруженными силами. Обеспечивается первоочередной приток новобранцев в те части, откуда происходит их преимущественное убывание. Ныне в СВ США более 60 процентов «джи-ай» ограничиваются первичным контрактом — снижение за десять лет — по некоторым данным — на 20 (!) процентов.

Поиск и предварительная вербовка новобранцев осуществляется главным образом в школах и спортивных секциях. Бывают случаи одновременного рекрутирования целой спортивной команды — через посулы содействовать спортивному росту.

В половине штатов США действует специальный закон о необлагаемой налогом рекламе вооруженных сил. Среди молодежи распространяются бесплатные абонементы на спортивные состязания, молодежные клубы «здоровой» направленности. Организуют экскурсии в воинские части, где дают попрыгать с парашютом, учат стрелять, водить автомобили и даже пилотировать воздушные суда. Некоторые вербовщики, а также состоятельные отставники-патриоты — особенно в глубинке — содержат собственные скаутские клубы (аналог

наших военно-патриотических). С первых классов проводятся лотереи и конкурсы среди обладателей наибольшего числа предметов военной атрибутики, «умников и умниц» по военно-техническим дисциплинам. Вербовщики с гражданки (с «убыточных» по американским меркам предприятий) тем не менее считают, что привилегии их военных коллег пора подрезать законодательно.

СТИМУЛЫ И СОБЛАЗНЫ...

Главный высказываемый довод в пользу службы — так называемый челлендж — возможность себя проявить. С ним тесно связан реальный стимул — льготное или бесплатное образование, а также повсеместно ценимый на гражданке опыт военной службы: на контракте с Пентагоном состоят около 80 только высших учебных заведений, имеющих филиалы в гарнизонах. Есть и такие, кто пришел служить потому, что «в армии больше, чем на гражданке, порядочных людей и отношения чистые, как завещал Иисус Христос (много реже — Аллах)».

Кстати, о защите Америки и демократии в самой армии говорят реже, чем вне ее. Кто побогаче и «попроще» — на первое место ставят тягу к путешествиям и новым впечатлениям. Иногда в армии ищут спутницу, чаще спутника жизни. Хотя число внутриармейских пар колеблется в пределах 5-7 процентов на все сухопутные войска. Скажем прямо: претендентов на конкурс красоты, в отличие от спортивных дарований, в армии найти непросто. Но про ЭТО — позже.

Чтобы мотивировать военнотружущего к продлению контракта, ему для начала предоставляют право учиться лишь в системе вечерних технических школ, нередко выхолащенных до приобщения к компьютеру или кассовому аппарату. Доступ к высшему или иному дорогостоящему образованию военнотружущий получает не ранее чем через 5 лет после подписания первичного контракта. Через такой же срок на «джи-ай» распространяется расширенный перечень — около 20 видов — льгот — «бонусы-алаунсы»: санатории, путешествия, право на выбор гарнизонов и пр. Многие «джи-ай» предпочитают финансовые за них компенсации. Непосредственное вознаграждение — 1.5-2 тыс. долларов в месяц (в боевых условиях в 3-4 раза больше) при бесплатных столовой, медицинском

обслуживании (в целом, сопоставимом с нашим), а также спорткомплексах — о чем придется вспоминать ещё не раз.

Все это имеет ценность для не особо привередливых «низших середняков» и ниже. С Америкой в нашем сознании ассоциируется жизнь равномерно динамичная и в целом благополучная. Далеко не везде и не для всех это так. Вот суммированный пример типичной истории: вырос в негритянском (вариант — латиноамериканском) квартале или в тоскливом американском «урюпинске», 5-6 братьев (сестер), кое-кто уже побывал в тюрьме... Варианты: «Мой отец был последним, кого в нашем штате посадили на электрический стул. Армия не только спасла от безработицы и наркотиков. Она дала мне шанс выбиться в люди». Другая — типично «женская» причина: «Я — феминистка по жизни. Только в армии я чувствую себя человеком, а не, простите, телкой». Ну, и что дальше?

Дальше пример из жизни: прихватило как-то сердце у российского офицера в американском штабе. Уложили его прямо на пол. Вызвали медсестру — на 2 тысячи личного состава никого опытного не нашлось. Ничего не скажешь — сестричка прибежала тут же. Семнадцатилетняя испуганная девчонка, только что получившая сертификат помощника эвакуатора. Не говоря о капельницах, даже в простейших пилюлях не разбирается. Зато с детской непосредственностью умоляет: «Держитесь, сэр. Если с вами что-то случится — мне конец». До госпиталя тащились целый час. Впрочем, там, скажем честно, и кардиолог, и младший медперсонал — все на месте. Первой подбежала шустрая негритянка: «Меня зовут Уинди (Ветерок). Правда, хорошее имя? Если что — прибегу сразу...»

Ввиду нынешней в целом неплохой экономической ситуации в США (снижение безработицы) число первичных добровольцев скорее сокращается. Впервые с 1973 года (с перехода на контрактную службу) начальное тестирование по существу не применяется. По крайней мере, в пехоту берут всех, кто хочет служить. Известны случаи нарушения законов: добровольцу обманным путем предлагают подписать «пехотный» контракт — потом, мол, переведем... Сулят службу в военной полиции. Это лучшее, что есть в пехоте: около 70% сотрудников высокооплачиваемой гражданской полиции — бывшие военные полицейские. Имело место по-

ступление на службу двух лиц, находившихся под подпиской о невыезде. К очковитателям, таким образом, повысившим «процент набора», приняты драконовские меры.

Тем не менее за будущее всей системы найма и особенно призыва резервистов уже беспокоятся. Дело в том, что до урагана «Катарина» осенью 2005 года резервист заранее знал сроки сборов или участия в экспедиционных операциях. Чрезвычайный призыв 60 тысяч резервистов, не спланировавших свой рабочий график и бюджет, привел к массовому расторжению контрактов (23 тыс. человек). Кроме того, выявились разночтения по оплате службы при чрезвычайных обстоятельствах на территории США — 9400 судебных исков с обеих сторон.

В последнее время американцами проявлен симптоматичный интерес к российской системе призыва, прежде всего к моральному стимулированию призывников (вплоть до «ритуалов приобщения новобранцев к армии») и ответственности за уклонение резервистов (офицеров-приписников). Повышен предельный возраст первичного контрактника — с 35 до 40 лет. Одновременно приняты меры по укреплению отношений командования частей с «большой семьей» военнослужащих — родственниками, бывшими сослуживцами, школьными учителями и тренерами. При этом показательно увольнение преподавателя военной академии за интервью, в котором он усомнился в эффективности контрактной системы. Контекстуально — при двух и более экспедиционных операциях, осуществляемых одновременно.

В идеале американцы хотели бы иметь армию, отражающую национальный и социальный состав общества. В реальности, по крайней мере в пехоте, служат, повторим, преимущественно выходцы из фермерских хозяйств и небольших городов — более 80% — иногда при пороговом коэффициенте умственного развития (0,3-0,4 из 1). Афроамериканцев — 35-40%, около 25% — испаноязычные (чиканос), а также филиппинцы, китайцы, вьетнамцы, индусы. Русских — единицы.

Вопрос о «равных возможностях» женщин и мужчин по существу завис. Официально декларируя равноправие полов, от «широкозахватного» набора женщин постепенно отходят. Пик — 1994 год — 37% пехотинцев. Причина — в нескрываемом ропоте низовых командиров, считающих жен-

щин «постоянно беременными» проблемами для службы. Доказательство тому — трагикомическая ситуация: сержант в шутку запустил мышь в спальный мешок «товарища по оружию», законно отдохавшей в одной с ним палатке. А у той, как на грех, молния на мешке разошлась. Причем снизу. И выявила при этом, гм..., «недопустимое отсутствие элементов спального обмундирования»... Выгнали взащей обоих. Шутника — с «волчьим билетом» — без пенсии и выходного пособия. Обещанное — «про ЭТО»: любой «джи-ай» знает: «с начальством — можно, с подчиненными — тюрьма!..» Впрочем, пик всеамериканской борьбы с «домогателями», кажется, миновал. И «характерные вербальные формы сексуальных домогательств» (цитируем) — «сладоострастное аханье», «вожделенное урчание», «похотливое посвистывание», «восторженный скулеж», а также обращения типа «детка», «лапочка», «зайнышка» (ещё хуже — «киска») уже не размещают на стенде в столовой. Хотя «служба по обеспечению равных возможностей» никуда не делась. Добро пожаловать с закла... в смысле — доклада. Круглосуточно и при любой погоде.

К бракам между военнослужащими отношение непростое. С одной стороны, если супруги служат в одном гарнизоне, то у обоих выше «уровень душевного комфорта». Но с другой стороны, этот «уровень» должен быть единым для всех — никаких привилегий. Служили два капитана — муж и жена — только что поженились. В одном штабе, но в разных подразделениях. Следовательно, жили в разных контейнерных городках. Поскольку оба — офицеры, соседи у каждого — однополые. Сосед мужа время от времени «входил в положение». А ей — досталась завистливая гримза. В результате «служба по обеспечению равных возможностей» получила сигнал... эквивалентный 600 баксам. Соседка жены озаботилась неуставным «уровнем душевного комфорта» сослуживицы...

YOU'RE IN THE ARMY NOW — ПЕСНЯ И ПРОЗА...

Что действительно привлекает многих — это показательная (не показная) демократичность отношений между сослуживцами и подчеркнуто уважительное отношение к армии со стороны гражданских властей всех уровней. Комдив займет очередь за рядовым и отстоит её честно. За обе-

денным столом заключит с солдатом пари на результат футбольного (по американскому футболу) матча между «пехтурой» и «флотскими». Запишет номер (личную карточку) солдата и если проиграет, то пошлет ему шуточный выпелок с надписью «BEATNAVY» (игра слов: «Вступай во флот» и одновременно «Бей флотских»). Как вы думаете, куда в первую очередь придут навещающие гарнизон «POTUS-FLOTUS» (президент с первой леди), не говоря о министре обороны и ниже? Правильно. В ту же столовую. Чтобы встать на 10 минут за раздачу и лично положить ошарашенному «джи-ай» кусок лазаньи или омлет с ветчиной. Чтобы через желудок преподать урок «американской демократии». Действует... Притом убедительно... В офицерской среде проявляются и элементы «рыцарского» отношения к службе. Офицер, в отличие от солдата, никогда не захватит с собой из столовой-клуба даже банку кока-колы. Хотя бери сколько хочешь. Нет, если жарко, он купит такую же банку в уличном автомате.

Подробнее о рутинных буднях. Комплексная подготовка новобранца носит фактически одноразовый характер и осуществляется в учебных центрах. Срок обучения — от 9 недель. За это время некоторые новобранцы теряют до 10 кг начального веса. В регулярных частях подготовка проводится по двум-трем дисциплинам в учебный день недели (чаще в субботу), как правило, в полигонных условиях. Тогда же происходят тренировки «флаговых церемоний» (вроде нашей строевой подготовки). Учения — внешне не интенсивные — с элементами «замедленности» и повторением уже отработанных вопросов: каждый элемент тактической обстановки тренируют отдельно, иногда не без перебора. Например, «одиночное следование перед автомашиной, задающее скорость ее движения по жилому городку». Самое смешное — потом: «Чего встал, водила? Есть проблемы?» — «Некому темп задать. Идите, пожалуйста, перед машиной».

Бумаг пишут значительно больше, чем мы, — на случай разбирательств с юристами и страховиками. На всех видах коллективной полевой подготовки экономят. Главным образом из-за боязни травм, часто влекущих за собой значительные выплаты пострадавшим. В дивизии на 13 тысяч военнослужащих приходится около 30 гражданских страховщиков. Они являются главными «инспекторами» полевой и гарнизонной деятельности войск

и, как правило, находят изъяны в учебно-боевом планировании.

Иногда на 1 доллар страховки, выплаченной «жертве ЧП» страховыми компаниями, приходится 40 долларов — из бюджета минобороны. Бежал солдатик по лестнице да и упал. Ногу сломал. Командиры и солдатика, и ступеньки проверили — всё сходится: «травма — при исполнении». Вот вам, господа страховщики, счёт. Но уполномоченный страховой компании сидит в том же штабе, что и командиры. И темой владеет не хуже. Повертели страховщики солдатские ботинки — да ведь протекторы на них поистерлись. То есть виноват сам солдатик: не сменил, не позаботился. И командиры недоглядели: положено каждый месяц подкрашивать жёлтой краской ребра ступеней, а после последнего обновления уже дней 40 прошло. Значит, страховая компания ни при чем: разбирайтесь сами...

Тренажеров, а также учебной техники в регулярных частях по существу нет: «солдат должен с самого начала знать ту технику, на которой ему предстоит воевать». Одновременно упор делается на индивидуальную подготовку солдата и подготовку расчетов (3-5 чел.). От результата ежеквартальной проверки, особенно на физическую выносливость, зависит постоянно уточняемый размер жалования.

Прямо в столовой от души плачет девчонка с лейтенантской «шпалой». Плачет и, ища сочувствия, показывает сквозь камуфляж на внутреннюю сторону бедра. Оказывается, перед сдачей «пи-ти-ти» (физо) рьяно тренировала мышцу, «ответственную» за гибкость соответствующей части тела. Готовилась сдать по повышенному нормативу. Не получилось...

Одинаковой зарплаты не бывает даже у новиков. Так стимулируется интерес к совершенствованию знаний и навыков каждого в отдельности. Иная ситуация при организации боевой подготовки в специальных подразделениях (рейнджеры, спецназ, частично — военная полиция, разведка и т. д.). Здесь идет ежедневная (бывает — без выходных) весьма интенсивная боевая учеба в составе отрядов, как правило, на незнакомой местности (лес, горы). Иногда — в гражданке. Все учебные мероприятия организуются жестко, но не оставляют впечатления изнурительности. Лимитов по моторесурсу и расходу боеприпасов нет. Проблема в

другом: американский пехотинец получает 23 наименования вооружения и имущества, за сохранность которого отвечает лично. Пирамид, ружкомнат и каптерок нет. Утраты происходят регулярно. Для поиска потерянного оружия и военного снаряжения, например касок, также регулярно отряжают целую роту, порой лишая личный состав законного отдыха.

Отношения в воинских коллективах хотя и демократичные, но с элементами конкуренции. «Заклад», как мы уже знаем, считается нормой. Еще один пример: выпил лейтенант-направленец на российскую бригаду (выпил без нашего участия — бывает!) и лег спать в родном контейнере. Сосед проснулся раньше. Поэтому нашего лейтенанта разбудил уже юрист. Юрист — в том числе и «по национальности» — пожалел бедолагу-соплеменника, что, вообще говоря, редкость: «С русскими хорошо дружишь?» — спрашивает юрист. — «Хорошо», — отрешенно отвечает провинившийся. — «А какой вчера был день?» — «6 июля, а что?» — «То, что это день открытия второго фронта... Напишут русские докладную записку, что это их национальный праздник, тогда спасу». Спасли лейтенанта. Но надолго его в гарнизоне не оставили: русские ведь помогли... Здесь требуется расшифровка. В гарнизоне принят «почти сухой закон». При проведении операций — без «почти». В изобильном гарнизонном военторге («пи-эксе», где цены процентов на 15 ниже, чем в обычном супермаркете) — объемные стеллажи с безалкогольным пивом, вином, ликерами. Водку и коньяк — не видел. Но если «что-то где-то нашел» солдат, то у него два пути — раскаться и воспользоваться «контейнером для сброса незаконных предметов» (amnesty box) — даже если увидят, что высыпашешь героин, официально ничего не будет. Или на свой страх и риск...

Правда, в условиях совместной с нами миротворческой операции американским офицерам взаимодействия официально разрешалось поднимать не более трех тостов в дни наших «национальных праздников». По этому поводу была издана специальная директива: первый тост — за дружбу, второй — за президентов, третий... Витиеватое и непонятное даже нам разъяснение про православный обряд поминовения тех, «кто остался в небесах»... (Американцы считали, что это — про летчиков и десантников.) Но надо сказать

правду: служба отучает «злоупотреблять» даже тех, кто к этому имел склонность на гражданке. То же с курением, не говоря о наркотиках.

Традиционно понимаемого распорядка дня, как и движения в строю, нет. Нет и перспективного (на месяц и далее) планирования боевой подготовки (кроме учений). На это имеется объяснение: «на войне ничего спланированного не бывает». Решение на последующие сутки принимает командир роты в зависимости от задачи дня и выявленных недостатков. Подъема и отбоя тоже нет. Но встают, как правило, в 5.30. В 6.00 — индивидуальная зарядка — кросс до 3 км. Бегут, впрочем, повзводно-поротно. С комбатом, комбригом, а порой и с комдивом во главе.

8.00–12.00 — занятия по выполнению типовых задач. В условиях миротворческой операции это установка мобильных блокпостов, преследование нарушителя, разминирование, ускоренная посадка на транспорт, организация боевого охранения и т.д. Методологический посыл: «солдат должен уметь, командир должен знать». На свежую голову проводят и занятия по технике безопасности (force protection). Чаще — по методичке «Усвоенные уроки» — подробное описание ЧП и как его можно было избежать. Инструктируют иной раз не без утрирования. Тема занятий: «как держать винтовку в столовой, чтобы не зацепить соседа». В боевой обстановке действуют соответственно. Прибыли к месту разминирования: «Чего жметесь?» — «Ждем, когда туалеты поставят, — без улыбки отвечает «саперша» с капитанским «квадратиком» на лацкане, — и химики местность не опрыскали (от комаров)». Поставили. Опрыскали... «Кто инженерную разведку начинает?» — «Во «фраге» (подробном — до сведения скул — боевом приказе) не сказано. Пусть русские начнут. У нас еще собаки (кинологическая служба — «кей-9») не поели...» Нет, американец — не трус. Но от инструкции не отступит ни на йоту. И если сможет эту инструкцию интерпретировать в пользу своей безопасности, сделает это непременно. Когда есть время, всё это — во благо...

13.00–17.00 — «расширение — в составе расчетов — профессиональных горизонтов» и «часы командирской информации». То есть овладение смежной специальностью, приобретение углубленной (вне учебной программы родного подразделения) инженерно-саперной, медицинской,

парашютно-десантной, артиллерийской и прочей подготовки на базе «чужих» служб. Цель — обеспечить максимально широкую взаимозаменяемость. Тогда же изучают иностранные вооружения и тактику. Последнее аранжируется с узнаваемым намеком на Россию и воспринимается как изучение главного противника — мы по-прежнему — «в цене». Учат, судя по всему, неплохо. На соревнованиях с нами по разборке-сборке Калашникова и М-16 американцы порой управлялись с «калашом» быстрее.

Спаривают практические занятия с политинформациями. Тогда же знакомят личный состав с юридическими нововведениями, проводят весьма идеологизированные брифинги по «ситуации по месту дислокации»: в Боснии — «сербы — террористы, остальные — «пушистые».

Еженедельно тренируют выполнение коллективных нормативов по защите от оружия массового поражения. К теории отношение скептическое. Зато при объявлении учебной тревоги бросают всё и бегут в убежища. Кто не спрятался — «виноват» на четверть-треть месячной зарплаты. В среднем раз в две недели проводят стрельбы, водят боевую технику. Ее обслуживают-модернизируют (особенно после остановок-поломок) порой даже ночью. И относятся к этому как к элементу повседневного слагивания. Бывает, что чумазые солдат и «солдатка» копаются под «хаммером» до полуночи. Причем она — даже «топлес» — чтобы после работы на месте принять душ и в палатку идти не «чушкой». И никаких нарушений тут нет. Как нет, напомним, «в армии США ни мужчин, ни женщин». Есть «военнослужащие, принявшие присягу на верность Соединенным Штатам». Хочется добавить: «бурные продолжительные аплодисменты»...

Отношение к «расширению горизонтов», в отличие от force protection, скорее «экскурсионное», ибо на жалованье это относительно не сказывается. Но присутствие на всех видах занятий обязательно. После 17.00 — формально — личное, фактически — «организованное» время солдата, не занятого службой в карауле. Оно тратится на многочисленные брифинги по воспитанию национальной терпимости («расскажи, за что ты любишь своего друга иной национальности»), изучению этических правил (тех же признаков сексуальных домогательств или «военно-гражданских отношений»), иностранных языков (проформа), на беседы

с капелланами («давайте вместе придумаем текст вечерней молитвы») и знатными гостями гарнизонов, артистами (иногда шокирующими своей убогостью: кто берет три аккорда — тот уже заслуженный).

Вот впечатление от инструктажа «как по именам-фамилиям определять национальность». Ее со взводом разведбата проводил преподаватель-культуролог из гарнизонного гражданского учебного центра. Открыл большой лист бумаги с характерными фамилиями: де Голль, Сервантес, Беккенбауэр... Предложил отгадать, кто какой национальности. Не ответил никто. Смущенный инструктор предоставил слово русскому гостю. На мое «назовите характерную русскую фамилию» — несколько дружелюбных благоглупостей: «У меня дома — Библия на непонятном языке. Наверное, русская...» Самый активный — жизнерадостный белозубый капрал — тянет руку с кружкой кофе: произнес нечто похожее на «зад». При коллективном переводе выяснили: «царь». Инструктор догадливо бросается к новому листу бумаги и размашисто выводит маркером: «Толстоевски». Неизглядимо...

«Совсем» личное время часто уходит на все тот же спорт. В сутки необходимо пробежать 12 км, плюс — почти непереносимые тренажеры: анаболики едят как хлеб. Но тут не все просто. Зашел в их тренажерный зал наш тогдашний командующий ВДВ почти 60-летний генерал Шпак. И 45 секунд продержал на перекладине «уголок». Потом снял часы и предложил: «Приз тому, кто продержит дольше». Американский главнокомандующий НАТО мобилизовал 2-3 накаченных «горилл». Даже чемпион сухопутных войск США по легкой атлетике сломался на 22-й секунде. Да и периодические «марафоны» (5 км в произвольной форме одежды) нередко выигрывали русские.

Много времени занимает быт — выстаивание в очередях в прачечную, на склад. Подолгу и с чувством поют в походной церкви. Особенно афроамериканцы, которых белые за глаза называют «братьями — в смысле — по разуму». Кстати, по поводу «дяди Тома»... Вспомним в новом контексте. Глубокая ночь. Два полковника — русский и белый американец — устало жуют после многочасовой дороги. В обеденный зал вваливается (мягче не скажешь) разгоряченная негритянская братва со знаками различия не выше капрала. Оружий магнитофон и брань, не более «дистиллированная»,

чем русская. «Полковник, почему вы не призовете подчиненных к порядку?» Американец поднимает глаза: «А вы не догадываетесь? — и продолжает: — В 1991-м я проспорил пари, утверждая, что Советский Союз не развалится...» Понятно? Аналогия очевидна: не надо «ворошить» межрасовые проблемы, чтобы не развалиться, как Союз. А собеседник изначально был убежден, что, несмотря ни на что, СССР сохранится.

Ходят за подарками в контору Американского красного креста: подарки от школ и хора мормонов, бейсбольной команды и коллектива «макдоналдса» — открытка с сердечком: «Солдату, который промок в карауле». От «2-го «В» класса», который любит защитника Америки». Вот тебе карточка на час работы в интернете, пара носков-платков или тюбик с зубной пастой...

Играют в компьютерные игры в солдатских клубах, где масса книг, пожертвованных соотечественниками. Но читают мало. Зато часто пишут письма домой: e-mail — далеко не везде и — дорого. Посещение круглосуточно открытой и изобильной столовой — по необходимости. Но и здесь встречаются элементы утрирования. В столовую отряжают 1-2 представителей от отделения. За «пайками» для всех. Чтобы остальным наглядно проявить служебное рвение. Правда, «сэкономленное» при этом время часто занимают компьютерной игрой.

Получившие право на учебу часто относятся к ней добросовестнее, чем к служебным обязанностям — особенно при завершении срока контракта. Но это едва ли не единственное неофициально допустимое послабление.

Привычных нам поощрений и наказаний по существу нет. Наиболее показательное наказание — десять отжиманий на месте «преступления» — за неотдание воинского приветствия, незначительные опоздания или мелкие нарушения формы одежды. В остальном действует жесткая система штрафов за невыполнение постоянно уточняемых обязанностей. Считается, что нескончаемое нормотворчество на это и рассчитано. Главный стимул — доллар, который у солдата постоянно хочет урезать сержант, специалист по вооружению и технике, патруль военной полиции, в последнюю очередь — командир роты. Реально он личным составом не занимается — это обязанность сержантской вертикали.

Перед законом равны все. С тогдашнего замкомдива Абизейда (потом он стал главкомом в Ираке) вычли 7 баксов с «копейками» за какую-то ерундовую недостачу: вроде как его писарь лишнюю пачку дискет получил. Отдельные заслуги военнослужащего отмечаются подарком командования — койном (то есть монетой с эмблемой части) или предметом быта (нож, кружка, интернет-карточка). Вручение обставляется торжественно. Происходит в главном штабе гарнизона при ежевечернем «разборе полетов». Для большинства рядовых — это знак особого доверия и чести: глядятся-прихорашиваются.

Итогом неоднократных нарушений является снижение тарифа со стороны гарнизонного центра СПК (дивизионный штат — около 70 специалистов) или разрывом контракта. За год «беспорочной» службы (обладателю 5 и более «монет») этот же центр повышает тарифный разряд или дает указание финоргану на выплату разовой премии...

* * *

Что тут скажешь? В мирное время система боев почти не дает. Но жизнь оказывается сложнее, чем написано в «Усвоенных уроках». Нас, по-видимому, она учит большему...

Вот откровение бывшего советского «афганца» — ныне натовца (эмигрант): «В бою русский солдат уникален: чем тяжелее обстановка, тем больше у

него смекалки — а не наоборот». Еще: «Русский не бегаёт каждый раз к юристу и не вымещает злобу на службе, отделяет обиду от приказа». Впрочем, об этом — в другой раз.

«На выходе» же между рядовым первого класса Попкинсом и отечественным контрактником Пупкиным принципиальной разницы нет. Хотелось бы, очень хотелось лучшее из американского опыта забрать себе. Но не будем забывать, что это «лучшее» обусловлено не только экономикой, но и менталитетом с психологией. Мы — не Америка. К сожалению. И слава Богу...

Борис ПОДОПРИГОРА

В 1996-98 гг. — представитель российской армии в штабе

1-й пехотной и 1-й бронетанковой дивизий сухопутных войск

США в период проведения международной миротворческой

операции на Балканах.

